

ловеком торговым — приобретал сочинения и платил за них звонкой монетой — он был начисто лишен сантиментов, свойственных членам песенно-плясовой комиссии, где витиеватые рассуждения о качестве музыки никогда не имели своим концом любимейшую фразу сочинителей: «Пишите сумму прописью...»

Чеплажкин сидел за большим письменным столом и подписывал многочисленные программы передач.левой рукой он держал телефонную трубку, на правом ухе у него был надет наушник, по которому транслировался идущий в данный момент в эфир по третьей программе концерт новозеландской народной музыки. Кроме того, из двух огромных динамиков, стоявших по углам кабинета, шли одновременно на полную мощь передачи первой и второй станций — концерт по заявкам и передача «Постарайтесь не забыть эту песенку».

Не меняя позы и не выключая ни одного из агрегатов, Чеплажкин одним ресничками пригласил войти в кабинет кучку заробевших сочинителей.

Вокруг по стенкам уже сидели многочисленные редакторы, а рядом с начальником с погасшей сигарой в зубах сидел Борис Трубкин — председатель закупочной комиссии.

вободившееся от телефона ухо и Чеплажкин, одобрительно посмотрев на Грека, авторитетно изрек:

— В рабочем порядке!

Что означало, что песня уже принята. Грек поблагодарил и, полный достоинства, удалился.

— Фужеров, давай! — опять крикнул Борис, и раздосадованный Леонард, привычно путаясь во вступлении, тем же ужасным голосом завыл свои многострадальные «Мытищинские», начисто заглушив и первую, и вторую программы.

Не успел отзвучать последний аккорд «Ночей», как Чеплажкин, непрерывно разговаривавший по телефону во время исполнения, с презрением посмотрел на Фужерова и громко отчетливо произнес:

— Полная мура! Не покупаю!

— Но, позвольте, Николай Павлович... начал был Фужеров.

— Здесь тебе, голубчик, не ВОМС, здесь торговая организация. Сказано — мура, и будь здоров. А впрочем, кто еще хочет высказаться? — спохватился Чеплажкин, вспомнив об основах демократии.

Все редакторы молчали, зная, что суждение начальника непоколебимо. Однако Борис, не забывая об обещанной Леонарду поддержке, скомандовал

совещание, назначенное в пять, ровно к пяти, ошибочно думая, что оно начиналось в четыре. И тут же был наказан за свою оплошность, ожидая целый час всех остальных участников, считавших, что, раз они вызваны к пяти, можно приехать к шести.

Вот и сейчас была уже половина шестого и, естественно, заседание закупочной комиссии, назначенное ровно на четыре, еще не начиналось.

Однако Фужерову повезло: минут через пять в кабинет влетел Прохладин и, скороговоркой пробормотав что-то относительно государственных дел и Совета Министров, не поздоровавшись и не извинившись, дал знак к началу.

Трубкин, который и здесь был главным консультантом, крикнул:

— Фужеров, давай!

И Леонард, напряженно вглядываясь в сильно помятые в путешествиях ноты, завопил, несколько охрипшим от повторов голосом:

— Тиха Мытищинская ночь,

Прозрачно небо, даль туманна,

Уйдите, бракоделы, прочь,

Мы хотим выполненья плана!..

Когда Фужеров прекратил выть, тихо вошел с портфелем под мышкой деликатно дожидавшийся за дверью окончания пения Михаил Грек.

— Новую массовую песню принес. Историческую. Называется «Взятие Трои», — скромно сообщил он. Услышав это радостное известие, Прохладин восхищенно взмахнул руками и, сияя, воскликнул:

— Михаил Дорогой! Наконец-то обратился к стоящему жанру! Берем, немедленно берем! На слово верим, что шедевр! Фамилия автора тому порукой! Валерия Ивановна, — обратился он к своей референтке, — пройдите с Михаилом Ильичом в бухгалтерию и срочно оформите акт приема, счета и ведомость на получение.

Фужеров хотел было информировать комиссию, что Грек продает песню по второму разу, но, вспомнив о ряде своих прошлых комбинаций такого же типа, благоразумно смолчал.

Грек, скромно улыбаясь, добродушно кивнул собравшимся, вышел и Прохладин, нетерпеливо поглядывая на часы, попросил присутствующих высказаться по поводу только что прослушанных Фужеровских «Ночей».

Первым взял слово Борис Трубкин.

— Я уже не впервой слушаю эту песню, — рассудительно начал он, — тема песни хотя далеко не нова, но очень близка и понятна рядовому слушателю. Мытищи неоднократно использовались в песенном творчестве, но продолжают нас всех волновать. Яркая, выразительная мелодия не ночевала в этих «Ночах», но автора нельзя упрекнуть в банальности и стандарте. Форма песни привычна, но необычна. Немного сладковаты терпкие гармонии. Фактура аккомпанемента интересна и свежа, хотя ее изложение довольно-таки убогавато. Хорошо задуманы и так же небрежно написаны стихи. В общем это весьма посредственная песня, для данного автора в диалектическом процессе развития и становления его творческого «я» является большой удачей и, не представляя никакой художественной ценности, заслуживает того, чтобы быть приобретенной! — и, пыхнув несущим дымом, уверенно добавил: — Или не!

— Другие мнения будут? — поинтересовался Прохладин.

Комиссия, как и обычно, после выступления Трубкина смущенно молчала.

— Ну что ж, товарищи, — благожелательно сказал председатель, — я думаю, что мы не сделаем большой ошибки, если...

В этот момент вошла секретарша и что-то шепнула Прохладину на ухо. Тот встал и торопливо поглядывая на часы, обратился к присутствующим:

— Очень прошу подождать меня ровно пять минут. Срочно вызывает замминистра! — после чего пулей вылетел из кабинета...

Прошло минут сорок. Наконец появилась секретарша и сообщила ожидающим:

— Только что звонил с аэродрома Алексей Алексеевич. Он по заданию министерства срочно вылетает в Гватемалу с эстрадной бригадой на полтора месяца, и потому совещание переносится. А вам, Леонард Вартанович, — обратилась она к Фужерову, ничего хорошего не ожидавшему от внезапного поворота событий, — вам товарищ Прохладин специально просил передать, что от песни он в восторге, но, к сожалению, приобретение произведения товарища Грека полностью исчерпало все лимиты этого года на покупку новых сочинений. И просил передать вам пожелание дальнейших успехов!

— Ничего не поделаешь, старик, безлюдный фонд! — утешил Трубкин Леонарда, молчаливо переживавшего новую гадость Фортуны. — Как-нибудь в другой раз, — утешительно похлопал он по плечу своего коллегу.

Фужеров брел домой, совершенно раздавленный непрерывными ударами судьбы, проклятая безлюдный фонд и ни в чем не повинного Глинку с его неуловимым завещанием, выбившим беднягу из привычной колеи незатейливого творчества и скромного, но удобного для него бытия. Надо было опять все начинать сначала, преодолевать отвращение, сочинять новые непреходящие мелодии, бегать по комиссиям и учреждениям, подстраиваться к сегодняшней молниеносно меняющейся конъюнктуре...

Еще взмах ресниц — и зав. молодежной редакцией, дряхлая седая старушка, несколько поубавила в динамике силу звучания, однако не выключив их окончательно. Из левого динамика бархатный баритон диктора объявил:

— А сейчас прослушайте и постарайтесь запомнить новую песню Владислава Татарского на слова Дурьяна «Сторона моя родная».

Одновременно с этим справа нежное сопрано сообщило:

— Слушайте новую песню Васо Менестрели на текст Эдгара Изотова «Родная моя сторона».

По странному совпадению песни в обоих динамиках начались одновременно и, будучи совершенно одинаковыми по мелодии, гармонии, словам и тональности, очень складно и стройно звучали.

На этот приятный музыкальный фон накладывались сухие телефонные реплики начальника:

— Да... Нет... Хорошо... Сделаем...

Наконец Чеплажкин повесил трубку, не снимая наушника, продолжал подписывать программы и, не выключая обоих динамиков, опять взмахнул ресничками. Трубкин привычно крикнул:

— Фужеров, давай!

И Леонард, давно уже сидевший за роялем, опустил руки на клавиши. В этот момент отворилась дверь, и вошел Михаил Грек, держа в руках свое расхваленное в ВОМСе творение о взятии Трои. Все присутствующие встали, а Чеплажкин ресничками повелел Фужерову остановиться.

— Вот я новую песню принес, — с наигранной скромностью произнес Михаил.

Трубкин что-то шепнул начальнику на временно ос-

сам себе: «Трубкин, давай!» и, сося замызанную сигару, замямлил:

— Ну что же я могу сказать? Гармонии в песне интересны, мелодия оригинальна, запоминается, стихи на высоком уровне. Но вот тема — банальна и стандартна. Мытищи уже начисто исчерпаны в наших песнях. Мелко, Фужеров, и не ново. Вот так... Вот таким путем... — тянул он.

— Одним словом — мура и будь здоров! — преврал Бориса Чеплажкин и тут же, сказав в телефонную трубку: «Простите, Сергей Васильевич, это не вам!», ресничками указал Леонарду на выход.

Фужеров, с трудом сдерживаясь, что-то хотел сказать, но, зная о непреклонном характере начальника, горестно махнул рукой и, выходя, только разрешил себе на прощание сильно хлопнуть дверью, очень напугав группу музыкантов, томящуюся в приемной.

Вторым и последним местом, куда Фужеров мог загнать свои «Мытищинские», была комиссия РСФСР. Председатель ее — Алексей Алексеевич Прохладин, был человеком добрым и отзывчивым и покупал вообще все, что к нему приносили, независимо от качества сочинений, что давало всегда ему возможность хвалиться активностью творцов и хорошей работой своей комиссии. Поэтому Леонард был вполне уверен в положительном результате своих торговых операций.

Прохладин своеобразно понимал лозунг — «Время — деньги!» — нисколько не дорожа ни своим временем, ни, как вы уже знаете, государственными средствами. Это был главный опоздальщик и торопыга в искусстве. За всю свою жизнь он только раз опоздал вовремя, да и то потому, что приехал на